

дата

«Извините, пожалуйста», Литовская киностудия, 1982. Рабочий момент: Витаутас Жалакявичюс и актриса Зугения Шулгайте



“такой внутренний вулкан”

75 лет Витаутасу Прано Жалакявичюсу

Сегодня исполняется 75 лет со дня рождения выдающегося литовского режиссера и сценариста **Витаутаса Жалакявичюса**. С корреспондентом Газеты **Екатериной Чен** воспоминаниями об авторе легендарных фильмов «Никто не хотел умирать», «Это сладкое слово — свобода» и других поделился актер, ныне атташе по культуре посольства Литвы в России **Юозас Будрайтис**.

Когда говорят о творческом наследии Жалакявичюса, прежде всего вспоминают его легендарный фильм «Никто не хотел умирать», открывший для нас и литовский кинематограф, и историю, и целую плеяду замечательных артистов. Этот фильм стал для вас дебютом?

Да, это было освоение целины, совсем новое пространство. До этого я никогда не имел отношения ни к театру, ни к кино, с режиссером и со всеми актерами познакомился тогда. Жалакявичюс случайно меня обнаружил — сделал фотопробы, кинопробы, утвердил, и так я попал в сети кинематографа.

Насколько опасно было в середине 1960-х касаться столь скользкой темы — послевоенного сопротивления в литовских лесах? Хотелось сказать больше, чем полагалось тогда с идеологической точки зрения?

Естественно, что за идеологию и решение картины отвечает режиссер. Мы как-то в это не вникали особенно, делали ту работу, которая предполагалась по сценарию. Но, конечно, мы понимали, о чем речь, знали, что было сопротивление после войны, и даже видели живых участников той резистенции. Некоторые из них отсидели. А вообще эта тема в то время была запретной, об этом нельзя было говорить, даже если резистенты изображались в образе бандитов. Этот фильм в первый раз

так широко показал, что в Литве происходила братоубийственная война. У Жалакявичюса не было явного деления на бандитов и тех правых, которые так называемые красные. Он изобразил резистентов вполне достойно. Их даже играли замечательные актеры, которые своим присутствием на экране уже вызывали симпатии. Скажем, Лаймонас Норейка, великолепный актер, который создал образ незабываемый и довольно яркий — руководителя этого сопротивления.

Как сегодня в Литве воспринимается это кино, не выглядит ли недостаточно смелым?

Для Литвы это было довольно страшное время — крупные депортации, когда людей ни за что ни про что загоняли в вагоны и отправляли в дальнюю Сибирь, в Магадан. Поэтому довольно много молодых и образованных людей ушли в глушь, в леса, в болотистые места. В какой-то мере это сопротивление казалось бессмысленным: машина, которая их захватила, уже не могла оставить никого в живых, но все-таки они сопротивлялись, и достаточно долго. Это были не бандиты, а передовые люди, действительно верные довоенной Литовской Республике. Теперь есть богатая фильмотека об этом сопротивлении, и анализируется очень много документов, и новые имена всплывают, которые были забыты, но теперь стали известны, и они в почете.

Как Жалакявичюс работал с актерами: допускалась ли импровизация или все заранее подробно обговаривалось?

Он был очень хорошим психологом и достаточно жестким человеком, чтобы позволить кому-либо делать что взбредет в голову. Он держал все узды правления в этой машинерии съемочной группы. Иногда собирались по вечерам, обсуждали работу на завтрашний день, иногда пораньше перед съемкой, но все жили единым организмом. Оператор Йонас Грицюс пускал дым, и на расвете еще такая замечательная тишь бывает — никто не возражал против того, чтобы рано вставать. Конечно, на площадке он не кричал, не орал, но достаточно жестко говорил иногда несколько фраз, которые ставили на место даже тех, кто не поддавался или как-то бунтовал.

Вы вместе работали на нескольких картинах. И этот жесткий стиль неизменно проявлялся?

Да, он всегда немножко был — я не боюсь этого слова — тиран. В какой-то мере он совещался, конечно, с актерами. Может, кое-что черпал или создавал впечатление, что выслушивает эти мнения, — но он твердо знал, куда ведет картину, любую. Присказка у него была всегда: «Я не знаю, я не знаю, не знаю — не знаю...» Но это как у других на языке все время «значит» или «понимаешь». Был в этом подбадривающий момент для высказывания своих мыслей: ах ты не зна-

ешь — значит, я знаю, я скажу. А он, прищурившись, выслушивает все это и думает, дурак ты или не дурак. Поэтому довольно опасно было идти с ним на какой-то спор, да он и не допустил бы этого. Он все приводил к своему замыслу.

Жалакявичюс преподавал у вас на Высших режиссерских курсах. Каким он был педагогом?

Когда он собрал курс и предложил поступать к нему в мастерскую, для меня это было неожиданностью. В первый раз, когда он меня, студента юридического факультета, пригласил на «Никто не хотел умирать», мне была неизвестна сфера кино, — я пошел как бы шутя. Но потом, когда уже узнавал процесс творчества и мне не давали покоя непрерывными предложениями, я остался в кино на долгое время. И понял, что он, видимо, всегда за мной наблюдал. Не только во время моей работы у него, но и в других фильмах. Естественно, я иногда подумывал о режиссуре, но эта мысль не оформлялась, не конкретизировалась. Жалакявичюс дал мне на размышление два дня, и когда я ответил, что это предложение делает мне честь, он поздравил меня с таким решением. Я учился у него два года в Москве, и это время мне дало очень много. Не только общение с ним, но и вся программа этих курсов, на которых преподавали и Тарковский, и Панифилов, и Трауберг, и Митта, и Кончаловский, и Лотяну. Жалакявичюс был очень строгий, такой «диктаторский» режиссер, но на курсах он был философом. Он был человек, искренне желающий передать практические навыки, профессиональный багаж, откуда черпать средства

изображения кинорежиссеру. Он не давал никогда покоя: делаешь курсовую — допустим, оказалось неплохо, но это не значит, что все решено. Он все это громил в пух и прах. И вроде опять я ничего не знаю, надо начинать с нуля. Постоянное возвращение на стартовую дистанцию обогащало, каждый раз из этого черпалось немало больше всяких профессиональных привычек, инструментария для создания кинофильма.

Как раз тогда, в середине 1970-х, Жалакявичюсу не удалось реализовать экранизацию романа Богомолова «Момент истины»?

Он уже почти все снял, но картину закрыли. У него не сложилось общего мнения с автором романа, тот активно требовал соблюдения каждой буквы. А Жалакявичюс не тот человек, который литературу иллюстрирует. Он создает кинообразы, он создает киноатмосферу и отходит от авторского решения. Если там написано, скажем, что солдат в гимнастерке, а Богомолов представляет, что это гимнастерка чистая, то Жалакявичюс никак не может этого понять: как солдат, проходящий войну по грязи, — и вдруг в чистой гимнастерке. Это плоский пример — в чем самый главный был спор, я не знаю.

Отчего, на ваш взгляд, в творчестве Жалакявичюса возникла тема революции в странах Латинской Америки в фильмах «Это сладкое слово — свобода», «Кентавры»?

Такой человек не может перенести спокойного течения времени. Он сам берет это время в руки. А когда он не может реализовать себя как художник, время просто течет. Он написал много сценариев,